

УДК 343.1

Состязательность сторон в уголовном судопроизводстве: мифы и реальность**Муратова Н.Г.**

Доктор юридических наук, профессор,
Заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Казанского (Приволжского) федерального университета,
Заслуженный юрист Республики Татарстан

Автором рассматриваются проблемы реализации принципа состязательности, теория и практика показывают высокую дискуссионность этой проблемы. Сформулированы перспективы дальнейших исследований по данной проблематике.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, состязательность сторон, адвокатская деятельность, досудебное производство, средства защиты, жалобы и ходатайства.

Применение формулировок новых принципов УПК РФ 2001 г. неизбежно привело ученых и практиков к непримиримой дискуссии о наличии или отсутствии состязательности сторон, в частности, при расследовании преступлений. Если принять с уважением многочисленные рассуждения и мнения, то можно предложить начать все с начала – попытаться понять смысл ч. 1 ст. 15 УПК РФ «Состязательность сторон»: «уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон». Принятия нового УПК РФ в начале XXI века ждали как некую качественную правовую массу, которая разрушит сложившиеся стереотипы мышления и практики и начнется новая жизнь по новому уголовно-процессуальному законодательству. Пять следующих друг за другом, начиная с 1991 года, проектов Уголовно-процессуального кодекса только разжигали бушующие научные страсти и накаляли воображение практиков. Мониторинги введения в действие УПК РФ 2001 года продемонстрировали всей общественности мужество авторов законопроекта, решимость законодателя и возможность начать новый отчет времени, начать жизнь с учетом международных стандартов правосудия и защиты прав человека в уголовном судопроизводстве.

Конституционность данного основного начала – состязательности – не вызывает сомнения: в Конституции РФ ч. 3 ст. 123 также провозглашается: «Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон». Именно термин

«и равноправия сторон» порождает, представляется, один из *увлекательнейших мифов* современного уголовного процесса – о равенстве сторон при расследовании преступлений. Это никак не может вытекать из текста УПК РФ, так как там несколько другая формула – «стороны обвинения и защиты равноправны перед судом» (ч. 4 ст. 15 УПК РФ). Так может быть стоит разобраться с определениями: 1) «равноправие сторон» (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) и «стороны равноправны перед судом» (ч. 43 ст. 15 УПК РФ), 2) «...на основе состязательности» (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ и ч. 1 ст. 15 УПК РФ)?

Представляется, что осмысление понятия «основа состязательности» позволит увидеть реалии самой состязательности сторон при расследовании преступлений. В справочной литературе (словарях и энциклопедиях) выявлены разные подходы к понятию состязательности. Так, при характеристике понятия «состязательности» предлагается рассмотреть его вместе с понятием «судопроизводство» [1, с. 839] или строго применять понятие из ст. 15 УПК РФ [2, с. 155]. Но в Конституции РФ и УПК РФ применено словосочетание «основа состязательности». Как разъясняет «Толковый словарь» В.А. Даля, – «основа, основанье – это все на чем-либо основано, поставлено, укреплено, служит опорой, началом». Представляется, что самым интересным толкованием является исходный глагол «основывать» – утверждать, укреплять, устанавливать, устраивать прочно, класть чему-либо основу, твердое начало;

класть или строить то, на чем созидаемое должно стоять, держаться» [3, с. 439]. Также заслуживает внимания глагол «состязаться» – спорить, противоборствовать, тягаться, вступать в прения, в борьбу, в спор». Таким образом, состязательная деятельность сторон должна быть осуществлена и, представляется, достаточно активно, применяя все возможные процессуальные формы для формулирования своей правовой позиции.

В XVIII веке Петр I установил порядок рассмотрения судебных дел («суд по форме») и издал в 1723 г. Указ «О форме суда». Именно там было определено, что гражданские дела и большая часть уголовных дел должны, в основном, рассматриваться судом на началах состязательности: устное судопроизводство, жалобы истца или пострадавшего должны содержать пункты обвинения, на каждый из которых противная сторона должна дать ответ [1, с. 839-840]. С тех пор прошло почти три столетия, но и в настоящее время ни одна из сторон не обязана отвечать на каждый пункт аргументов и доводов противоположной стороны. Русская присяжная и частная адвокатура родилась в условиях демократических судебных реформ 60-х годов XIX века. Судебная реформа 1864 г. требовала реализации принципа состязательности, которая обеспечивалась, с одной стороны, прокуратурой, а с другой – профессиональной юридической помощью – защитой по уголовным делам. В России до 1866 г. адвокатов практически не было. Юридическую помощь оказывали ходатаи [4, с. 173-174]. Задачи ходатаев и стряпчих, по сути сводились только к стремлению запутать дело, затемнить его воздействия различными интригами на всемогущую канцелярию: только для этого к ним обращались, и только с такой точки зрения оценивались их способности и знания. Как пишет И.В. Гессен, это было вызвано тем, что невозможно было «провести правду сквозь путы и сети тогдашнего формального судопроизводства» [5, с. 5]. Адвокатура – это институт гражданского общества. Как справедливо отмечает Ю.И. Стецовский, адвокатура – важный инструмент подлинной демократии, и роль адвокатуры возрастает по мере расширения прав и свобод граждан и укрепления правовой основы государственной и общественной жизни [6, с. 6].

Историческая задача русской адвокатуры в том виде, как она была формулирована первыми органами сословного управления, состояла в том, чтобы разорвать всякую связь между присяжной адвокатурой и институтом дореформенных ходатаев по чужим делам, чтобы поставить вновь организующееся сословие на один уровень с новыми судебными учреждениями [7, с. 228].

Бесспорно, что история создания и становления российской адвокатуры неизбежно связана с историей развития и становления России как государс-

тва. В конце пятидесятых годов XIX века господствовало убеждение, что «состязательный процесс есть самый древний, самый естественный, а потому первый, или, лучше сказать, единственный способ судопроизводства» [8], а одним из необходимых условий существования и ведения состязательного процесса является учреждение сословия присяжных поверенных. Организация сословия адвокатуры становилась необходимой предпосылкой неотложной судебной реформы [5, с. 29].

Как отмечает К.К. Арсеньев, русская адвокатура, организованная в первый раз судебными уставами 1864 г., разделяет в настоящее время участь всех новых учреждений – новых не только по форме, но и по содержанию, не имеющих корня в прошедшем государстве [9, с. 1; 10, с. 21]. Доступность правосудия и юридической помощи, гарантии состязательности судебного процесса и равноправия сторон – это одно из приоритетных направлений судебной реформы 1864 г. [11, с. 10], осуществленной при правлении Александра II.

Судебная реформа создала русскую адвокатуру, сразу привлечшую в свои ряды целую плеяду талантливых работников, поднявших судебное слово на большую высоту, деятельность которых стала возможной только в новых условиях уголовного и гражданского процесса [12, с. 10]. Талант первых профессиональных защитников-адвокатов Федора Никифоровича Плевако, Владимира Даниловича Спасовича, Александра Ивановича Урусова, Константина Константиновича Урусова оценили не только в России, но и за рубежом. Профессиональная адвокатура, организовавшаяся на основе Судебных Уставов, явилась абсолютно новым для России учреждением, прежде всего, по содержанию. Как отмечает И.Я. Фойницкий, защитник в уголовном процессе, являясь представителем общего интереса, а не простым толкователем желаний своего клиента, не заменяет, а только дополняет обвиняемого; от него требуется отнюдь не помощь обвинению, а помощь правосудию обоснованием и формулированием защитительного антитезиса [13, с. 21-22; 14]. В судебные процессы пришли юристы-профессионалы, объединенные в самоуправляющиеся организации. Однако необходимо отметить, что институт частных поверенных был введен законодателем в 1874 году из-за недостатка присяжных поверенных, но качество их работы уступало профессиональным поверенным [15, с. 81-93]. Это было связано с тем, что требования закона к частному поверенному были не столь высокими, нежели чем к присяжным поверенным. По ст. 354 Учреждения Судебных Установлений присяжными поверенными могли быть лица, достигшие 25-летнего возраста, имеющие высшее образование и пять лет судебной практики в качестве чиновника судебного ведомства или помощника присяжного поверенного. Высокий про-

цент оправдательных приговоров свидетельствовал о развитии состязательных судопроизводственных форм – 20-30 % судьями короны и 35-45 % – присяжными [4, с. 182].

Говоря об истории русской адвокатуры, нельзя не обратиться к трудам А.Ф. Кони [16, с. 3], в которых большое внимание уделяется и адвокатуры наряду с судебной этикой и ораторским искусством. Под председательством А.Ф. Кони Петербургский окружной суд слушал дело по обвинению Веры Засулич, которое закончилось оправдательным вердиктом присяжных заседателей. М.В. Немытина отмечает, что адвокатура создавалась в России в достаточно сложных условиях. Новая присяжная адвокатура коренным образом отличалась от института представительства в том виде, в каком он существовал в России до реформы 1864 г.: общее число присяжных поверенных не доходило до 6 тыс. человек (в Германии их было вдвое больше) [17, с. 132-133].

Октябрьская революция 1917 г. разрушила и сложившуюся в России судебную систему, и систему адвокатуры. Вплоть до утверждения первого «Положения об адвокатуре» от 26 мая 1922 г. правовую помощь в суде по гражданским и уголовным делам оказывали в соответствии с декретами о суде «непороченные граждане обоего пола», а затем – члены коллегий правозаступников, осуществлявших функции и защиты, и обвинения, и представительства в гражданском судопроизводстве. УПК РСФСР 1922 г., который действовал менее года, было узаконено больше прав и гарантий неприкосновенности личности, чтобы свести к минимуму возможность повторения практики ВЧК. 15 февраля 1923 г. ВЦИК принял новый УПК, который был фактически новой редакцией УПК РСФСР 1922 г. Это было вызвано совершенствованием судебной системы, проводимой в соответствии с «Положением о судостроительстве РСФСР» от 11 ноября 1922 г. УПК РСФСР 1923 г. значительно расширил право обвиняемого на защиту и предусматривал обязательное участие защитника при нахождении обвиняемого под стражей, а также при рассмотрении дел лиц, имеющих физические и психические недостатки и в силу этого не способных осуществлять защиту [18, с. 78-79].

К началу 90-х г. XX в. адвокатура России представляла собой чисто советское учреждение. Об этом свидетельствовали излишняя идеологизированность, характер поставленных перед ней задач, особенности взаимоотношений адвокатуры с государственными органами и общественными организациями. Важнейшие нормативные акты об адвокатуре не дают ей правовой характеристики как института государства или общества. Задачей адвокатуры объявлялось оказание юридической помощи гражданам и организациям, указывалось, что «коллегии адвокатов являются добровольными объединениями лиц, занимающихся адвокатской деятель-

ностью» (ст. 1 и 3 «Закона об адвокатуре в СССР» от 30 ноября 1979 г.; ст. 1 и 3 «Положения об адвокатуре РСФСР» от 20 ноября 1980 г.). Конституция РСФСР 1978 г. содержала в разделе о правосудии упоминание об адвокатуре (ст. 173), но лишь в функциональном плане: «Для оказания юридической помощи гражданам и организациям действуют коллегии адвокатов». Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ [19], вступившим в силу с 1 июля 2002 г., адвокат объявлен независимым советником по правовым вопросам (ч. 1 ст. 2). В соответствии с ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.02. в ред. ФЗ № 163-ФЗ от 20.12.04 адвокатская деятельность является квалифицированной юридической помощью, оказываемой на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию (ч. 1 ст. 1). Правовое значение данного нормативного положения исторически повлекло изменение правового статуса адвоката в уголовном судопроизводстве. В соответствии с УПК РСФСР адвокат мог быть только защитником и представителем, то по УПК РФ 2001 г. адвокат действительно приобретает статус независимого советника по правовым вопросам в уголовном судопроизводстве: адвокат-защитник, адвокат-представитель законных интересов потерпевшего, гражданского истца (ответчика), адвокат свидетеля.

Если обратиться к формулировкам Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» № 63-ФЗ 31 мая 2002 г., то можно увидеть, что именно адвокатская деятельность является квалифицированной юридической помощью, оказываемой на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката, в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию (ст. 1). Далее п. 1 ст. 2 этого закона называет адвоката профессиональным независимым советником по правовым вопросам.

Представляется, что законодатель в формулировках Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» № 63-ФЗ от 31 мая 2002 г. имел в виду только определенные стандарты осуществления адвокатской деятельности, и лишь по формальному признаку отнес оказание квалифицированной юридической помощи только адвокатами. Но формальные признаки не являются и не могут являться единственными для определения содержания требования «квалифицированная юридическая помощь» и не позволяют отграничить квалифицированную помощь от иной юридической помощи.

В научной литературе предложены следующие определения понятия «юридическая помощь»: это

«война за права» с использованием всех законных средств и способов защиты прав и интересов гражданина путем разъяснений, составления жалоб, заявления ходатайств, истребования документов, активного совершения иных действий как в судопроизводстве, так и вне его [6, с. 7]; это все сферы деятельности адвокатов, призванные обеспечивать защиту прав, свобод и охраняемых законом интересов граждан и организаций, включая защиту по уголовным делам [20, с. 332]; это деятельность лиц, обладающих специальными познаниями в области права, по оказанию качественных правовых услуг [21, с. 39].

Представляется, что можно определить следующие пути исследования критериев квалифицированной юридической помощи адвоката в уголовном судопроизводстве. *Первый путь* – философско-познавательный, с этих позиций квалифицированная юридическая помощь – это сущность, а адвокат – явление. *Второй путь* – изучение содержательной деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве. *Третий путь* – законодательное регулирование тех правоотношений, которые возникают при оказании квалифицированной юридической помощи и ограничение ее от неквалифицированной юридической помощи [22].

Так, Конституционный суд Российской Федерации в «Постановлении по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова» от 28 января 1997 г. № 2-П определил взаимосвязь уголовно-процессуальной деятельности адвоката-защитника и критериев квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве.

Можно обратиться к этимологическому значению слова «помощь» – «содействие кому-нибудь в чем-нибудь, участие в чем-нибудь, приносящее облегчение» [23, с. 558], «содействие, поддержка в чем-нибудь» [24, с. 410]. Понятие «юридический» определяется как «относящийся к праву, правовой» [23, с. 911; 24, с. 686], т.е. в русском языке слова «правовой» и «юридический» используются как синонимы. В законодательстве Российской Федерации*, научной литературе [25, с. 156] понятия «правовая помощь» и «юридическая помощь» употребляются как синонимы, но на необходимость отличать юридическую помощь от правовой помощи также обращают внимание некоторые авторы [6, с. 7]. Законодательное употребление термина «правовая помощь» применяется в части пятой УПК РФ «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства».

* Например, п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» предусматривает, что адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам.

Развенчать очередной миф об обязанности стороны обвинения опровергнуть доводы защиты – это значит найти и предложить процессуальную модель поведения правоприменителя, где такой его стандарт поведения будет обязательен. Состязательное начало уголовного судопроизводства предполагает равные возможности сторон в использовании средств и способов реализации своей процессуально-правовой позиции [26, с. 44-45, 93-94]. Никто не сможет оспорить хоть малую толику данного правового тезиса, хотя истинная его сущность проявляется в реальных правоотношениях сторон в уголовном судопроизводстве.

Многолетняя практика адвокатской деятельности удивляет автора односложностью ответов стороны обвинения на многочисленные обоснованные аргументы, доводы в жалобах, ходатайствах. Логика ответов, порой, понять практически невозможно. Так, при расследовании уголовного дела гр. С. были заявлены неоднократно ходатайства о проведении очных ставок с потерпевшими, на что были последовательно получены следующие аргументы: «следствие полагает, что проведение очных ставок между указанными потерпевшими и обвиняемым нецелесообразно и может оказать негативное воздействие на ход расследования», «...нет противоречий в показаниях, так как подозреваемый отказался от показаний», «...в показаниях противоречия есть, так как он дал показания, но следователь вправе провести очную ставку, а не обязан» [27]. Выявленные проблемы с непроведением очной ставки по ряду дел позволяет напомнить о наиболее известном европейском стандарте правосудия. *В соответствии с «Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод», которая действует на территории России с 5 мая 1998 г., ч. 3 ст. 6 «Право на справедливое судебное разбирательство»* каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет, как минимум, следующие права: а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения; б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты; в) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника; г) *допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, что и свидетелей, показывающих против него.*

Таким образом, каждый подозреваемый или обвиняемый имеет право задать вопрос лицам, показывающим против него и пояснить все, что он считает нужным по данным показаниям. Это его право на защиту, а данное право не может быть ограничено в соответствии с ч. 3 ст. 56 Конституции РФ.

Следующий миф – «разваливание дела» адвокатом – означает, что утверждающий этот тезис, не знаком с реалиями состязательности**. Адвокат не может ни по полномочиям, ни по механизму процессуальной деятельности противостоять расследованию преступлений органами государства, обладающими властными полномочиями, способными применить меры государственного принуждения.

Начало уголовного преследования обозначено в законе достаточно четко: возможно фактическое задержание лица, возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, применение мер принуждения. В связи с этим приобретает особое значение умение адвокатом-защитником спланировать весь комплекс правовых мер (средств и способов защиты) с тем, чтобы хотя бы внешнее равновесие сил сторон, «соразмерность» мер защиты были соблюдены. Так, ст.123 УПК РФ предлагает доступное и действенное средство – судебное обжалование действий и решений следователя и прокурора. Можно ли так ставить вопрос о «соразмерности» средств защиты с обвинением, зная существующую опубликованную судебную практику? Любой, кто знаком с этими цифрами, не сможет ответить на поставленный вопрос положительно. Первые цифры официальной судебной статистики после вступления в действие УПК РФ, которые могли сказать о реальной состязательности, выглядели очень оптимистично: в I полугодии 2003 г. в порядке судебного контроля рассмотрено 132 тыс. материалов: из них жалобы на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное производство, – 15,6 тыс., или 3,8 %, из них 37,2 % удовлетворено [29, с. 69]. Наши исследования показали, что общий процент признания судом процессуальных действий и решений на досудебном производстве незаконными и необоснованными составляет примерно такое же количество – 33,3 %***. В 2004 г. из 1 млн. 620 тыс. общего массива материалов в порядке уголовного судопроизводства, рассмотренных судами, также скромно выглядит следующая цифра – 44,8 тыс. или 2,7 % составили жалобы на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство (ст. 125 УПК РФ) [31, с. 25-55]. За 2005 г. выявленные закономерности и показанные выше продолжают преобладать. Так, в районных судах Российской Федерации рассмотрено 1 млн. 293,6 тыс. представлений, ходатайств и жалоб (828,4 тыс. (64 %) – в порядке судебного контроля): 1. Ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения

под стражу – 277,2 тыс.(17,6 %) – удовлетворено – 254,5 тыс. (92 %). Обжаловано в кассационном порядке 27,5 тыс. (9,7 %) постановлений суда о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Из них отменено почти 2,8 тыс. судебных решений (10,2 % от общего числа обжалованных). 2. Жалобы на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, – 52,6 тыс. (4 %) (в 2004 году было меньше – 44,8 тыс. или 2,7 %) [32, с. 74]. Видимо, не скоро кто-либо из исследователей решится ответить на вопрос: почему количество жалоб, мягко говоря, не совсем совпадает с количеством возбужденных уголовных дел – более 3,5 млн.?

Здесь, на наш взгляд, фокусируется весь комплекс современных проблем защиты и в досудебном производстве: процессуально-правовых, нравственно-этических, тактико-криминалистических. Как справедливо отмечает В.Н. Карагодин, влияние внешних факторов при достижении целей и задач профессиональной защиты происходит через внутренние, или субъективные, характеризующие в основном свойства личности самого адвоката [33, с. 62]. «Любая защитительная деятельность должна быть максимально вариационной» – пишет Л.А. Защляпин [34, с. 42].

Действительно, законодатель во многом обусловил направленность уголовно-процессуальных норм на активную (неравнодушную) позицию адвоката-защитника в досудебном производстве. Не безразличен к этим проблемам и «Кодекс профессиональной этики адвокатов», принятый Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. В соответствии с ч. 3 ст. 4 этого Кодекса в избрании средств и способов защиты адвокат должен руководствоваться законом, указаниями науки, практики и своей совести, не допуская никакого влияния, в том числе со стороны доверителя. Так, при проведении исследований были выяснены и обоснования жалоб и ходатайств, а также субъектов жалоб и ходатайств.

Обоснование жалоб, заявлений, ходатайств, представлений: а) большинство обращений в суд содержат аргументы, обосновывающие нарушения уголовно-процессуальных норм – 92 % (наиболее часто упоминаются следующие статьи УПК РФ: 47, 75, 100, 108, 109, 150, 147, 146, 171, 158, 217); б) ряд обращений содержит указания на нарушение конституционных прав человека – 4 % (наиболее часто отмечаются нарушения следующих статей Конституции РФ: ст. 21(достоинства личности), ст. 23 (неприкосновенность частной жизни), ст. 40 (право на жилище), ст. 46 (право на судебную защиту), ст. 50 (запрет на повторное осуждение), в) небольшое количество обращений содержит аргументы о нарушении уголовно-правовых норм, в основном речь идет об отсутствии состава преступления – 2,3 %

** Дискуссия о противодействии расследованию преступлений была предметом сборника научных трудов Академии управления МВД России [28].

*** Получено автором при изучении в 2004 г. репрезентативным методом 171 материала судебного контроля в порядке ст. 125 УПК РФ [30, с. 28-29].

(ст. 159 и ст. 201 УК РФ), г) очень малое количество обращений содержит прямую ссылку на текст «Европейской конвенции о защите прав человека» и прецеденты Европейского Суда по правам человека – 1,7 % (ст.ст. 5 и 6 Конвенции).

Субъекты жалоб, ходатайств, заявлений: а) защитники – 50 (29,2 %), б) заинтересованные лица (граждане) – 45 (26,3 %), в) потерпевшие (их представители) – 38 (22,2 %), г) обвиняемые – 29 (16,0 %), д) подозреваемые – 8 (4,6 %), е) иные – МВД РТ (на представление прокурора) – 1 (0,5 %). Количество ходатайств об избрании в качестве меры пресечения заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ) – 358 (по числу лиц), удовлетворено – 292 (81,5 %) [30, с. 551-554].

После проведения анкетирования адвокатов данные закономерности были подтверждены: на первом месте по уровню обжалования – постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (36,6 %), на втором месте – постановление о возбуждении уголовного дела – (34,5 %), на третьем – прекращение уголовного дела (21,4 %) и другие. Большинство адвокатов обжалуют решения суда о применении в качестве меры пресечения заключение под стражу – 79,4 % [30, с. 529-536].

Беспорное *состязательное начало кроется* в таких полномочиях стороны защиты как участие защитника в допросах подозреваемого и обвиняемого, в следственных действиях с его участием, в присутствии при предъявлении обвинения. Но не кроется ли здесь очередной миф о гарантиях законности производства следственного действия? Все ли следственные действия и допросы с участием адвоката-защитника являются законными? Может ли адвокат-защитник остановить, на его взгляд, явно незаконное следственное действие? Да, можно задавать вопросы, делать замечания и заявления, которые фиксируются в протоколе, консультировать в определенных случаях в присутствии следователя. Представляется, что эти традиционные и надежные средства защиты не могут, например, остановить принудительную выемку предметов и документов (ч. 5 ст. 183 УПК РФ), получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ), опознание (ч. 3 ст. 193 УПК РФ) и другие следственные действия, поскольку усмотрение следователя базируется на сформулированных правовых нормах.

Литература:

1. Тихомирова Л.Ф., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. Изд-е 5-е, доп. т перераб. / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 2005. – 890 с.
2. Хачатуров Р.Л. Юридическая энциклопедия / под ред. В.А. Якушина. т. V. – Тольятти: Волжский ун-т им.Татищева, 2005 – 203 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 560 с.
4. Попова А.Д. Правда и милость да царствуют в судах (из истории реализации судебной реформы 1864 г.) – Рязань: Изд-во Поверенный, 2005. – 312 с.
5. Гессен И.В. История русской адвокатуры. Т. 1. Адвокатура, общество и государство 1864-1814 г. – М.: Издание советов присяжных поверенных. 1914. – 623 с.
6. Стецовский Ю.И. Советская адвокатура: учебное пособие для вузов. – М.: Высш. шк., 1989. – 123 с.
7. История русской адвокатуры. Т.2. Сословная организация адвокатуры. (1854-1914 гг.) / под ред. М.Н. Гернетъ – М.: Издание советов присяжных поверенных. 1916. – 409 с.
8. Лешков В. Юридическая газета. – 1866. – №1.
9. Арсеньев К.К. Заметки о русской адвокатуре. Обзор деятельности С.-Петербургского совета присяжных поверенных за 1866-74 г. – СПб.: Типография В. Демакова, 1875. – 293 с.
10. Арсеньев К.К. Заметки о русской адвокатуре. – Тула: АВТОГРАФ, 2001. – 557 с.
11. Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы: Сборник статей. – М.: «Статус», РАП, 2004. – С. 10.
12. Судебная реформа / под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. – М.: Объединение, 1915. – 401 с.
13. Фойницкий И.Я. Защита в уголовном процессе как служение общественное. – СПб.: Типо-Литография А.М. Вольфа, 1885. – 64 с.
14. Стоянов А. История адвокатуры. – Харьков: Университетская типография. 1869. – 139 с.
15. Лубшев Ю.Ф. Адвокатура в России: учебник. 2-е изд. – М.: Профобразование, 2002. – 832 с.
16. Кони А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. – М.: Изд-во Юридическая литература, 1967. – 500 с.
17. Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. – Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. – 256 с.
18. Сырых В.М. Н.В. Крыленко – идеолог советского правосудия. – М.: Российская академия правосудия, 2003. – 432 с.
19. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.
20. Трунов И.Л. Современные проблемы защиты прав граждан в уголовном процессе. Дис. ... докт. юрид. наук. – Москва, 2001. – 250 с.

21. Невская О.В. Что такое квалифицированная юридическая помощь? // Адвокат. – 2004. – № 11. – С. 39-42.
22. Муратова Н.Д. Критерии квалифицированной юридической помощи адвоката в сфере уголовного судопроизводства // Ученые записки: Сборник научных трудов юридического факультета ГОУ ОГУ. Вып. 3. Современные проблемы законодательской и правоприменительной деятельности по защите общечеловеческих ценностей / под ред. Н.М. Бородавкиной. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006. – С. 219-220.
23. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 21-е изд., перераб. и доп. – М: Рус. яз., 1989. – 1250 с.
24. Малый толковый словарь русского языка / Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. – М.: Рус. яз., 1990. – 989 с.
25. Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальные функции: учеб. пособ. – Ижевск: Детектив-информ, 2002. – С.156.
26. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. – М., 1992. – 150 с.
27. Архив Коллегии адвокатов РТ за 2008 г., адвокатское производство № 010621.
28. Расследование и противодействие ему в составительном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: Сб. науч. трудов. – М.: Академия управления МВД России, 2007 – 460 с.
29. Работа федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей РФ в I полугодии 2003 г. // Российская юстиция. – 2004. – № 1.
30. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф... докт. юр. наук. – Екатеринбург, 2004.
31. Судебная статистика. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2004 году // Российская юстиция. – 2005. – № 6. – С. 25-55.
32. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2005 (рассмотрение уголовных дел) // Российская юстиция. – 2006. – № 6. – С. 74.
33. Карагодин В.Н. Выбор и реализация методов защиты // Тактика, методика и стратегия профессиональной защиты. – Екатеринбург, 2002. – 162 с.
34. Зашляпин Л.А. Методика профессиональной защиты в предварительном следствии // Тактика, методика и стратегия профессиональной защиты. – Екатеринбург, 2002. – 162 с.

Competitiveness of the parties in criminal legal proceedings: myths and a reality

N. Muratova
The Kazan (Volga Region) Federal University

The author considers problems of realisation of a principle of competitiveness. The theory and practice show high discussion round this problem. Prospects of the further researches on the given problematics are formulated.

Keywords: criminal legal proceedings, competitiveness of the parties, lawyer activity, pre-judicial manufacture, protection frames, complaints and petitions.

